

А. Шевцов

О ПОНИМАНИИ

Александр Шевцов

О понимании

«Издательство Роща»

2009-2019

Шевцов А. А.

О понимании / А. А. Шевцов — «Издательство Роцца»,
2009-2019

ISBN 978-5-902599-95-1

«Психология точная наука. К сожалению, доверие к ней подорвано шарлатанством психологов. Но астрономия тоже родилась из астрологии, которую теперь объявила шарлатанством, поскольку забрала в себя точную часть. Психология переживает такое же болезненное рождение...»

ISBN 978-5-902599-95-1

© Шевцов А. А., 2009-2019
© Издательство Роцца, 2009-2019

Содержание

Введение	6
Часть I	9
Глава 1. Прикладная психология	9
Глава 2. Счастье	10
Глава 3. Мир	12
Глава 4. Понимание	14
Глава 5. Задачи и задачи понимания	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Александрович Шевцов

О понимании

© Шевцов А.А., 2009-2019

© Издательство «Роща», 2012-2019

Литература предназначена к прочтению лицам, старше 12 лет

Введение

Психология точная наука. К сожалению, доверие к ней подорвано шарлатанством психологов. Но астрономия тоже родилась из астрологии, которую теперь объявила шарлатанством, поскольку забрала в себя точную часть. Психология переживает такое же болезненное рождение.

Психология не просто точная наука она – основание всех точных наук, включая и астрономию, и математику, и физику. По той простой и очевидной причине, что они точны в силу того, что их делают люди, которые имеют дело со знаками, из которых строят свои формулы точные науки. А все знаки одной природы – это образы нашего сознания. И в силу этого прямой предмет психологии. Если эти науки точные, то психология наука о том, что делает их точными.

При этом кажется, что сама психология, поскольку имеет дело с живыми людьми, а не знаками, предельно неточна, даже расплывчата и неопределенна. И это верно, пока речь идет о той психологии, которая вырастает из биологии и зовется естественнонаучной. Полтора столетия назад эта психология, опираясь на успехи естествознания, захватила кафедры университетов, вытеснив науку о душе. И с тех пор тянутся перед психологами кривые, ложные пути по чужим полям.

Психология без души – это наука без собственного предмета, и ее должны делать физиологи, как требовал когда-то Сеченов. Естественно и очевидно: если ты изучаешь не тот предмет, ты не можешь быть точен! И ты не можешь помочь тому, кто пришел с вопросом о том, почему у него болит душа, если для тебя и твоей науки души нет...

Для того, чтобы психология помогла вам в вашем действительном несчастье, надо понять несколько простых вещей.

Первое: психология предельно точна в тех рамках, которые ограничиваются ее предметом. От нее нечего требовать помощи в том, чего она не может. Это бессмысленно. И нечего ждать, что психолог как-то извернется и покажет фокус или сделает чудо. Психолог может только то, что может его наука.

А что она может?

Это второе: предметом психологии являются состояния души и ее окружения, через которое она себя являет. Например, состояния сознания. Это значит, что предмет психологии – душа, ее движения, порывы и чувства, явленные в сознании, разуме, мышлении и поведении.

То, что явлено в сознании и поведении, воплощено в образы. Психология не может работать с телом, не может с обществом или предприятием. Но она работает с тем, как отражены тело, общество или дела в сознании людей. Собственно говоря, она работает с культурой человека.

При этом она может помочь только человеку, у которого появились какие-то сложности. И только в том случае, если ему это действительно нужно.

А какого рода сложности могут быть в нашей жизни?

Всего не перечислишь, но психологии доступны лишь два вида: либо это сложность взаимоотношений с другими людьми, что на поверку оказывается вопросом поведения. Либо это неспособность что-то сделать, то есть вопрос самосовершенствования.

Как это ни странно, но в действительности все жизненные сложности, в которых может помочь психолог, сводятся лишь к этим двум предметам: поведение и самосовершенствование.

Но зато в этом психолог действительно хозяин своего дела, а психология не только точная, но и действенная наука!

Конечно, прикладная психология. Академическая имеет право изучать любые предметы.

То, что предметов у прикладной психологии всего два, не означает, что она редко бывает нужна в жизни. Как это ни странно, но в эти два предмета вмещаются целые миры. У вас сложности на работе, с работой или с предприятием. Это поведенческие сложности. У вас сложности в семье, с любимым, с детьми и это поведенческие сложности. Вы хотите занять место, поступить куда-то, научиться чему-то, но у вас не получается? Это вопрос самосовершенствования. Вы хотите достичь высот в своем деле, стать художником, получить восхищение, и это вопрос самосовершенствования. Надо учиться учиться и менять себя.

Но это непросто.

А хочется просто, быстро и без труда!

И это еще одно ограничение, которое надо исходно принять в отношении психологии. Она не может ничего сделать за вас. Она может лишь показать ошибку и подсказать, как ее исправить. Психология – точная наука, но действенной она становится лишь тогда, когда вы хотите действовать. Без человека и его усилий психология не работает. А психолог не может за вас изменить не только ваш мир, но даже и вас. Чудодейственные формулы есть только у шарлатанов.

Настоящая прикладная психология потому и действенна, что работает только с теми, кого по-настоящему приперло, и кто сам избрал действовать и менять свою жизнь.

На это стоит обратить внимание: если вы не решили действительно изменить жизнь, она не изменится, сколько бы психологов ни бились об вас. Если вы попросили помощи у психолога, но внутренне не решили меняться, все психологи уснут, как рыба, долго бившаяся об лед. А вы останетесь прежним. Надеюсь, это очевидно?

Прикладной психолог нужен лишь тому, кто однажды понял: никто не поможет, если сам не возьмешься и сам все не сделаешь. Психолог – это лишь помощник героя, но не его заместитель. Для тех, кто хочет, чтобы жизнь поменялась помимо его усилий, существуют аптеки. Купите себе пилюлю и забудьте на время.

К психологу надо идти, когда понял, что пора менять жизнь, но чувствуешь, что не хватает знаний. И даже тогда надо понимать: не все в жизни можно изменить и исправить. Если вы связались с бандитами, и у вас отбирают квартиру, психолог не сможет их уговорить. Идите в милицию, либо ищите других бандитов. Каждую болезнь надо лечить своим лекарством. Психолог лишь поможет найти вам верное решение, а потом пережить потерю.

Не сможет психолог и переделать работников на вашем предприятии, если вы пригласите его. Для этого его должны пригласить они, а потом, соответственно, работать с ним над собой. Зато он может помочь вам понять, как переделать предприятие, чтобы у вас больше не было воров и тупиц. Чтобы каждый работник на своем месте работал с полной отдачей, на какую только способен. И чтобы все ценили свое предприятие, как родное. Начиная с вас...

Также не сможет психолог вернуть вам любовь дорогого человека, если вы ее предали. Как не сможет и влюбить в вас кого-то. Он может лишь помочь найти причину такого вашего поведения, которое убивает любовь, чтобы в будущем это не повторялось. Но любовь надо беречь самому, как и уметь любить. Кстати, а вот в том, как научиться любить, психолог вполне может быть в помощь.

Прикладная психология – точная наука. Но точна и действенна она строго в тех рамках, которыми ограничивается ее предмет.

Есть психология способностей. Есть психология внимания. Психологии понимания нет и, кажется, никогда не было. Почему?

Существует слишком много других наук, которые занимаются пониманием, так что психологам как бы и места не осталось. Чтобы дать представление о той битве за понимание, что ведет наука, приведу выдержку из книги историка Людмилы Алексеевны Черной «Антропологический код древнерусской культуры», целиком посвященной пониманию психологии наших предков. Она начинается с цитаты из Василия Осиповича Ключевского:

«“Чтобы понимать своего собеседника, надо знать, как сам понимает он слова и жесты, которыми с вами объясняется, а обычаи и порядки старой жизни – это язык понятий и интересов, которыми старинные люди объяснялись друг с другом и объясняются с нами, их потомками и наблюдателями”.

На протяжении прошлого и нынешнего столетий мировая наука выработала аксиологический, цивилизационный, деятельностный, семиотический, герменевтический, игровой и другие подходы, ставящие своей задачей постижение культуры. Сразу следует оговориться, что только при совокупности всех и всяческих подходов можно приобщиться к истинному пониманию...» (Черная, М.: Языки славянских культур, 2008, с.7).

Довольно уязвимое рассуждение, как бы заявляющее: чем больше всяческих подходов вы соберете, тем лучше поймете. Что? Культуру. Что это такое? Вот этого мы и не понимаем...

Наша задача проще и ближе к жизни. Нам надо понять себя. Поэтому для меня важно, что среди множества подходов науки нет психологического. Важно и не случайно: с помощью психологии нельзя понимать нечто, обозначенное иностранным словом «культура», с её помощью надо понимать душу.

И именно душа раскрывается как через слова и жесты, так и через обычаи и порядки. Удастся понять душу, пойдем и культуру. В этом смысле, в смысле понимания слов, жестов, обычаев и порядков, психология понимания является прикладной наукой, позволяющей не просто знать, а менять жизнь, либо выстраивать её так, чтобы она становилась счастливой.

Психология понимания – это наука о достижении счастья. Поэтому совсем не случайно герой одного старого фильма заявляет: счастье – это когда тебя понимают!

Верно ли это? Вовсе нет. Но так считает наша культура, которую пытаются понять так много наук.

Часть I

Глава 1. Прикладная психология

Психология по исходному определению, скрытому в самом названии, должна быть наукой о душе. Возможна ли в таком случае психология понимания – наука о душе, о понимании?

Словосочетание рождается странное, но ошибок тут нет. Психология большая наука, и в одной книге её целиком не охватить. Поэтому уже давно существует понимание, что должна быть Общая психология и особые науки, посвященные её частям. Иначе говоря, психология понимания – это наука о способности души понимать.

К сожалению, хотя понимание и существует, но никакой общей науки о душе до сих пор нет. Она было начала складываться в России и на Западе в восемнадцатом-девятнадцатом веках, но к началу двадцатого уже была задушена молодым естествознанием и ушла в небытие.

Поэтому я не в силах исходить из общего научного понятия о душе, чтобы вывести из него понятие о понимании. Я должен идти обратным путем: описывать душевные проявления, вроде понимания, чтобы однажды дойти до описания их источника. И это очень важная цель – понять и познать собственную душу.

Последнее предполагает, что сейчас я её не знаю. Настолько не знаю, что даже не вправе утверждать, что понимание действительно является душевной способностью. Это лишь мое предчувствие, которое еще требует доказательства.

Тем не менее, я исхожу из него. У меня нет только научного знания о душе, но бытовое знание себя у меня, как и у любого живого человека, есть. И оно говорит: понимание не может принадлежать телу. Оно принадлежит тому, что болит и мучается, когда меня не понимают. Пусть не напрямую, пусть как часть чего-то, что принадлежит душе, например, разуму, но все же это предмет психологии.

Я даже скажу больше: если мы задумаемся о различиях теоретической и прикладной психологии, то душа окажется главным судьей и действующим лицом всех наших усилий. Вся битва прикладной психологии идет именно за неё. Точнее за то, чтобы душа получила то, что хочет, и была счастлива.

Если задача теоретической или академической психологии – получение знаний, то для прикладной – главное, чтобы все в моей жизни было по душе. Соответствие жизни с душевными требованиями ощущается счастьем.

Глава 2. Счастье

Что такое счастье, вопрос не просто сложный, но и неоднозначный. Очевидно, потому, что говорит о разных предметах. Знаменитое Фаустовское: остановись мгновенье, ты прекрасно! – это тоже одно из определений и пониманий счастья.

Не стоит читать толковые или психологические словари, они в этом деле не помощники. Гораздо ценнее то, что каждый сам знает, когда он счастлив или был счастлив.

Мы видим счастье, как лучшие времена своей жизни по сравнению с плохими временами. В этом смысле понимание счастья сближается с его историческим и языковедческим пониманием, которое скрыто в самом слове: с частью. То есть с долей, с уделом или наделом, то есть с правом иметь часть общего блага или общей добычи, которая выпала на долю племени или семьи.

В те опасные и голодные времена, когда от куска пищи могла зависеть жизнь целого рода, оказаться с частью добычи было счастьем. Сейчас, когда жизнь изменилась и стала спокойной и сытой, понятие счастья изменилось. Но в основе своей оно прежнее. И оно связано с лучшей жизнью и жизнью вообще.

Но жизнь, о которой идет речь, это моя жизнь. А я – это душа, воплотившаяся в тело. Опуская недоступное, можно сказать, что моя жизнь двойная – это жизнь тела и души. Это означает, что и понятие о счастье у нас двойное. По крайней мере, состоящее из двух частей: счастье телесное, и счастье души.

Психология, как наука о душе, должна бы быть нацелена исключительно на душевное счастье. Но вот беда, тело не даст душе покоя, если не будет учтено в этой битве. И стоит нам приглядеться к истории и культуре собственного народа, как мы увидим величайшую битву за то, как найти золотую середину между душой и телом.

От рождения и до самой смерти народная мудрость творит обычаи и порядки, позволяющие создать такие условия для тела, чтобы оно насытилось и успокоилось, и позволило нашим душам насладиться своим счастьем. До душевного счастья еще надо добратся, и человечество бьется за это тысячелетия, даже если не осознает этого.

Причем, битвой за душевное счастье являются самые разные вещи. Языческое поклонение телу – это сражение за то, чтобы ублажить его и упростить не мешать душе. Христианская аскеза – битва за уничтожение тела, чтобы даже его голос не мешал пребывать в любовном соитии с душой. Технологический раб общества потребления – огромное усилие перекормить и одурманить химическими средствами это тело, чтобы оно уснуло и отвалилось, пока ты отправишься в полеты с душой...

Тело не даст душе быть счастливой, пока ты не удовлетворишь его потребности. Оно данность нашей воплощенной жизни, и должно быть принято, как воинский вызов. Этой схватки за телесное счастье не избежать. Поэтому битва за душевное счастье должна быть пройдена как сражение за счастье телесное.

Пройдена, конечно, разумно, и спокойно, так, чтобы не захватить целиком и не поглотить. Тогда остается надежда однажды пройти её насквозь и добратся до души. Народ, создавая понятие о хорошей жизни, о гобине, создал свой здравый смысл, который по сути своей, и есть описание счастья. Что в него входит?

Здоровые сытые дети, которые помогают родителям и радуют их. Вовремя выданные замуж дочери и удачно женившиеся сыновья. Умение работать, достаток, честная жизнь и уважение людей. Спокойная старость и хорошая память после.

Для того, чтобы прожить жизнь так, надо жить по душе. А для этого нужно чтобы душе ничего не мешало. Ни тело, ни личность, которая в народе тоже считалась частью души, чаще – черной или злой.

Все это означает, что для того, чтобы обрести душевное счастье, нужно понять себя и устроить свой быт так, чтобы у тела было все, что позволит ему успокоиться и освободить место для души. Место это называется миром.

Глава 3. Мир

Счастье нельзя определять философски или лингвистически. Его не понять, само по себе. Счастье – это слишком мое состояние, чтобы отдать его другим, хотя бы для умных разговоров.

Поэтому счастье – это то состояние, которое я либо испытываю в моей жизни, либо не испытываю. А живу я в мире, и там я не случайно.

Что такое мир?

Вопрос до сих пор очень плохо понятный нашим философам. Но им хотя бы начали заниматься. В одной из самых сложных работ современной русской философии, так и называемой «Мир», Владимир Библихин писал:

«Найти себя в пространстве мало. Надо найти себя в мире. Человек живет в окружающей среде. Этого мало. Иметь место в окружающей среде, скажем, на восточноевропейской равнине в таком-то городе или селе, мало. Человек не обязательно нашел себя, даже если нашел себе тут дом и больше, прописку. Что бы это могло значить?» (Библихин «Мир», С.-Пб.: Наука, 2007, С. 15)

Найти себе место для тела, добавил бы я, еще недостаточно, чтобы понять, что такое мир, в котором я живу. Наш народ не зря называл одним именем мир и географическое место жительства, и общину, в которой ты нашел себя и занял место. Но и место в обществе еще не исчерпывает понятия «мир».

Чтобы увидеть, что такое мир, придется совместить оба эти мира, пространственный и общественный – как места обитания тела и личности, и тогда появится возможность описать получившееся и отбросить. В остатке выпадет мир души.

В нем не будет вещества и вещей. Это останется в мире тел. В нем не будет и вещных отношений по поводу мест в обществе, уважения и власти. Это останется в мире личностей. В нем будет только то, что и было в мире души до воплощения.

Но до воплощения было то же самое, что и после воплощения, за вычетом плоти, то есть вещества, вещей и вещных отношений. Вглядываясь в них, пытаюсь усилием отделить вещь-существование, и жизнь души начинает проступать, как она есть до, после и во время воплощения, которое её искажает, но не отменяет.

Там, в жизни души все то же самое всегда, и даже во время телесности. Только не искривлено, не искажено. Да оно и телесностью не искривляется, просто становится явленным через телесность. Искривляется и искажается каким-то образом наше восприятие.

Как это происходит понять не просто, но важно. Явно, что эти искривления в восприятии мира души и истинной жизни приобретены нами исторически, по мере накопления культуры. И ясно, что для детей все едино – жизнь их тел непосредственно есть жизнь душевная со всеми вытекающими отсюда непосредственными душевными движениями. Мы же научаемся их разделять, и доводим это разделение до того, что однажды вообще отказываем себе в душе...

Мир, в котором мы обнаруживаем себя, это мир воплощения, значит, это мир тел, которые должны здесь выжить. Чтобы обеспечить их выживание, мы создаем общественные тела – личности. Они целиком созданы из образов, значит это и мир сознания.

Но за всем этим стоит то, что мы знаем как силы, движение, плотность, пустоту... За всем этим мир магии, физики, философии. И это и есть действительный мир души.

В своем историческом развитии человек постоянно прорывался сквозь те пленки, в которых путается его видение действительного мира. В первобытные времена это прикосновение к настоящему дало мифологию и народную магию. В классическую античность такой порыв породил философию. В Новое время – современную физику.

Мифология и магия – вот суть философии и физики наших дней. Они рождены для решения одних и тех же задач, но в разных условиях, то есть в разных мирах. А это значит, в

разных состояниях сознания и в разных состояниях познания Земли. Мы лучше знаем Землю, мы больше можем извлекать из неё для своей пользы, значит это иной телесный мир, и, значит, битва за счастье в нем иная.

В этом мире больше людей, настолько больше, что он стал маленьким и изведанным. И к тому же ты всегда можешь сбежать из своего племени в любое другое. Значит, мир личности иной, и в нем также иная битва за счастье.

Это все должно быть учитываемо, но не в общем, а в точных привязках к тем телам, для которых достигается счастье. Только тогда можно будет говорить о психологии и счастье для души.

Глава 4. Понимание

Что такое понимание, не знает никто. Я хочу сказать, что нет ни одной науки, которая могла бы это внятно объяснить. Я достаточно подробно исследовал это в «Науке думать».

Тем не менее, нет ни одного человека, который бы не знал и не понимал этого. Даже дети прекрасно чувствуют, когда их понимают, и умеют добиваться понимания. Это означает, что понимание – вещь глубинная, очевидно, доступная даже животным. Во всяком случае, мы вполне можем наблюдать, как животные понимают то, что мы от них хотим.

Конечно, такой подход разрушает естественно-научную теорию рефлексорной деятельности. Но это меня несколько не смущает, поскольку ее давно отменило одно уж допущение существования души. Если душа есть, то рефлексы перестают иметь значение, поскольку оказываются не всеобщей теорией, объясняющей в человеке все через высшую нервную деятельность, а частной дисциплиной, относящейся к узкому перешейку, связывающему душу с телом.

Хуже того. Если понимание существует, никаких рефлексов нет вообще. Вся внутренняя жизнь человека сознательна, а человек – не машина. Возможно, именно это и сделало понимание нежелательным в психологии. Любые попытки его понять уничтожали правящую догму.

Но говоря о понимании в этом смысле, я углубляюсь в устройство человека настолько, что не в силах описывать эту среду. Моего видения пока не хватает. К нему надо идти так же, как к душе – через исследование гораздо более внешних проявлений.

Это значит, что мне для моей задачи достаточно будет того понимания, что есть понимание, которое позволит вести прикладную работу. Иными словами, мне пока не обязательно знать устройство сознания или души, в котором и живет или рождается понимание. Мне достаточно того, что каждый знает, когда он понял, или чувствует, когда поняли его.

Вот этого ощущения свершившегося, произошедшего понимания и будет хватать, чтобы вести прикладную психологическую работу. В рамках нее не нужно расписывать, из каких понятий, ощущений и образов складывается твое понимание. Достаточно признания: понял. И: меня понимают, это хорошо. Точнее, мне от этого хорошо. Потому что, если я признаю, что мне хорошо, когда меня понимают, я создаю возможность для движения и усилия. Движение это к цели – быть понятым. Усилие же обеспечивающее это движение – это тот порыв, который придает всему моему естеству направление. А направление позволяет создавать путь или метод, как это называется в науке.

Иными словами, как только у меня появляется цель и движитель, я могу построить задачу. Для этого мне нужно лишь описать условия, в которых она существует. Условия же эти называются миром.

Задачи – очень важная часть любой прикладной науки, потому что они – способ существования разума. Разум – это орудие решения задач, которые ставит жизнь на пути к нашим целям. Если я хочу научиться понимать других, мне придется подумать, как этого достичь. Подумать – значит, включить разум. Но разум включится только тогда, когда я поставлю перед ним задачу.

Точно так же, если я захочу сделать так, чтобы меня поняли, мне придется сделать это задачей, и тогда разум начнет решать её. Если же я не сделаю задачу изобретения понимания, понимания не будет.

Это означает, что мне придется научиться ставить и решать задачи понимания. Это будет прикладная работа. Поэтому я вряд ли обрету в конце её определение того, что есть понимание. Возможно, у меня даже не сложится полноценное понятие о понимании. Но я определенно буду ощущать, что понял и был понят. И еще, что знаю, как достигать этого.

И если мне удастся научиться достигать понимания наверняка, тогда я обрету уверенность, что знаю, что такое понимание. Тогда мне останется лишь войти созерцанием в соб-

ственное сознание и осознать то, что там есть. Будучи осознанным, мой опыт понимания станет ясным и полноценным понятием о понимании. Но эта работа относится уже не к прикладной психологии. Я проделаю ее после прикладных исследований, когда буду подводить итоги тому, что удалось добыть.

Глава 5. Задачи и задачи понимания

Вся наша жизнь подобна ожерелью из задач понимания. Чтобы пройти к любой цели, тем более, к главной, их приходится решать постоянно и во множестве. Это не значит, что не бывает иных задач, но я сейчас настраиваю видение только на понимание, и отсекаю остальное.

Сам разговор о задачах показывает, что мы вступили в царство разума. Если появляются задачи, значит, мы описываем его работу. Никто, кроме разума, просто не в состоянии во мне решать задачи. Мышление может о них говорить, но, во первых, оно закосневшая часть разума, во-вторых, оно способно использовать понятие задачи, но не способно их решать. Оно действует только по образцам, а для действительного решения надо думать. Думать – это свойство разума. Мышление мыслит.

Если мы увязываем понимание с задачей, если понять другого настолько непросто, что само по себе превращается в задачу, значит, понимание – это либо способность разума, либо одно из его орудий, подобных воображению или памяти.

Так оно и проявляется, если мы начинаем приглядываться. Разум работает с образами. Его задача – обеспечить выживание моего тела, пока я не дорасту до Скумы, то есть пока я не наберу силы для решений той главной задачи, ради которой воплощался в это тело. Тогда разум может и пожертвовать телом ради души, поскольку эта главная задача всегда душевная.

Как разум работает с образами? Он создает образы разных уровней, позволяющие думать, то есть обучаться достигать желаемого не телом, а мысленно, что гораздо безопаснее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.